

ЛИНИЯ судьбы

*Материалы по увековечению памяти жертв
политических репрессий на территории
Нижегородской области*

Нижний Новгород
2015

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Л-59

Л-59 **Линия судьбы.** Методические информационные материалы. Составители — Фаворская И.М., Юдина Н.О. — Нижний Новгород, 2015. — 68 с.

Редактор — *Н.О. Юдина*
Дизайн и верстка — *В.В. Шеина*
Корректор — *Л.А. Зелексон*

Методические информационные материалы по увековечению памяти жертв политических репрессий входят в серию сборников «Линия судьбы. Воспоминания детей “врагов народа”» и содержат автобиографические очерки нижегородцев, пострадавших от политических репрессий на территории бывшего СССР, с указанием места проживания авторов. Данный указатель, а также список рекомендуемой художественной и публицистической литературы по теме политических репрессий предназначен для педагогов и учащихся общеобразовательных учреждений Нижегородской области для проведения методической и исследовательской работы в рамках изучения истории России и Нижегородского края.

© Государственно-правовой департамент Нижегородской области, 2015

Нина Михайловна
БАРМИНА

В мои 90 лет, когда за плечами большая жизнь, я живу воспоминаниями о пережитом. Дорогие мои папа и мама, вы как будто живые, всегда рядом со мной, вы во всем: и в капле дождя, и в травинке, и во всем, что меня окружает. А в последние годы, нередко, засыпая и пробуждаясь, я все думаю о папе, о Голгофе, которую он прошел.

Но лучше все по порядку, с самого начала, сохранившегося в памяти моей и того многого, что знаю из рассказов моей мамы.

Мама говорила, что отец был очень веселый, да я и сама это знаю. Он всегда и из ничего мог сотворить праздник. Даже возвращаясь поздно с работы, вместо стука в дверь он исполнял веселую музыкальную дробь, и мы бежали его встречать потому, что знали — кроме него, такого сделать никто не мог. Поздравления, вручение подарков он превращал в интересную игру. Родители всегда старались привить нам интерес к литературе, музыке, театру. На домашних вечерах всегда звучала музыка, и я хорошо помню наш старый рояль. На нем я тоже делала первые шаги в освоении музыкальной грамоты, разучивала музыкальные произведения. И даже сейчас, в весьма со-

Михаил Константинович
Степанов

Ольга Николаевна
Степанова (Селезнева)

лидном возрасте, хочется прикоснуться к клавишам и сыграть что-то из моего репертуара.

Мои родители жили дружно, я ни разу не видела, чтобы они ссорились. Лишь много лет спустя мама поведала мне об одном конфликте. Однажды отец сказал маме, что его вызывали в НКВД и предложили быть их «сексотом». Отец отказался, сославшись на плохое здоровье и взрывной характер, и дал подписку о неразглашении. Мама тут же заявила: «Они тебе этого не простят и не оставят тебя в покое. Нужно немедленно уезжать как можно дальше, куда глаза глядят, тем более что ты уже сидел один раз». Отец очень рассердился и сказал, что не следует чего-то бояться и что за его работу его нужно орденом наградить.

Счастливое детство кончилось накануне первомайского праздника 1938 года. В ночь на 29 апреля «люди в черном» произвели обыск и увели отца навсегда. Уходя, он сказал нам (маме, мне и брату): «Это недоразумение, я скоро вернусь». А затем повернулся к «людям в черном» и произнес: «И когда вы дадите спокойно жить честным советским людям?» Похоже, что над нашей семьей висел жестокий рок.

Впервые он проявил себя в 1928 году, когда был арестован мой дед по матери Селезнев Николай Александрович. Родом

Николай Александрович Селезнев с дочерью Ольгой и Галиной

из крестьян, он был трудолюбивым человеком, постоянно занимавшимся самообразованием. Работая на железной дороге, прошел путь от телеграфиста до помощника начальника железнодорожной станции. В дореволюционное время читал и хранил «Искру»¹ и другую запрещенную литературу. Поддерживал революционные настроения.

В момент ареста папы мне было уже 13 лет, и я поняла, что свершилась страшная несправедливость. Дней десять после ареста вечерами продолжал звонить телефон. Видимо, звонившие еще не знали об аресте отца. Потом телефон заглох, а вскоре его у нас вообще сняли и нас «уплотнили».

Мама стала носить передачи в тюрьму и хлопотать об освобождении отца: ходила в Балахнинское подразделение НКВД, ездила в Горький. Все безрезультатно! Однажды во время одного из таких визитов ей сказали: «Вы работаете, вас не уволили, дети с вами. Вроде бы будьте довольны этим». После этого мама прекратила хлопоты. Не смирившись с несправедливостью и будучи уверенной, что мой папа ни в чем не виноват,

¹«Искра» — первая общерусская политическая марксистская нелегальная газета, созданная В. И. Лениным в 1900 году.

М.К. Степанов, 1915 год

я решила искать правду у Сталина и отправила ему письмо, в котором, ссылаясь на Конституцию СССР, просила его помощи. Спустя некоторое время из Москвы пришел ответ, в котором мне рекомендовали обратиться все в тот же отдел НКВД города Горького. Помню содержание последней записки отца из тюрьмы: «...передачек больше не носи, береги себя и детей». Мама все-таки опять пошла с передачей, но дежурный передал ей часы и пенсне отца и добавил: «он в расходе». Мы долгое время не знали, что это значило. Вскоре пришло извещение, что отец сослан без права переписки.

Однажды поздней осенью у нас появился Бегов. Он очень боялся, чтобы его кто-нибудь не увидел. Он рассказал, что сидел в одной камере с отцом, который постоянно повторял: «Дуррак! Зачем я так работал?!» Бегову повезло — его выпустили. Он сказал нам тогда, что правду «сорока на хвосте унесла» и что отец ни в чем не виноват...

Мой отец Михаил Константинович Степанов родился в 1890 году в городе Борисоглебске Воронежской губернии в небогатой многодетной семье. После окончания Борисоглебского железнодорожного училища работал по специальности. В 1915 году был мобилизован на военную службу, где прошел путь от рядового до офицера в разных воинских частях, в том числе в действующей армии в 142-м Звенигородском пехотном полку на Северном фронте на должностях помощника командира роты, командира роты и начальника противогазовой обороны полка. Из армии был уволен по болезни в 1918 году.

В тревожные годы революции и Гражданской войны на его долю выпало много тяжелых испытаний — потеря первой семьи (жены и сына), тяжелая болезнь, ограбление, арест, трехкрат-

Семья Степановых после ссылки, г. Балахна, 1934 год

ный вывод на расстрел в захваченном белоказаками Новочеркасске и многое другое.

В 1923 году он вторично женился на моей будущей маме. С 1925 года начал работать на НиГРЭС. Выполнял задачи материально-технического обеспечения строительства и эксплуатации НиГРЭС. В 1929 и 1930 годах был членом Балахнинского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов VI созыва от рабочих и служащих НиГРЭС. В 1930 году в числе 31 работника инженерно-технического состава НиГРЭС был арестован ОГПУ. Ему предъявлялось косвенное участие в шпионаже, но никаких фактических данных указано не было. Несмотря на это, был приговорен к административной ссылке на три года на Урал в город Шадринск. В 1934 году семья вернулась в Балахну, и отец поступил в чернораменский Торфотрест на должность инженера по транспорту и сбыту. А в 1938-м его арестовали...

Спустя год в собственные «ежовые рукавицы» попал и сам нарком Ежов, а НКВД возглавил Берия. Мы, семьи «врагов народа», были убеждены, что он ликвидирует то, что натворил его предшественник. И действительно, то ли в результате смелы руководства НКВД, то ли (как ходили слухи) в результате того, что жене арестованного В.В. Чистова удалось пробиться

О.Н. Степанова в годы войны, 1940-е гг.

к «всесоюзному старосте» Калинину, но был начат пересмотр дела сотрудников Торфотреста, арестованных в 1937–1938 годах по зловещей 58-й статье. В 1941 году все арестованные по этому делу были освобождены. Увы! К этому моменту некоторые были расстреляны, в том числе и мой отец.

Память высветила небольшой эпизод, произошедший примерно через 10 лет после второго ареста отца. К тому времени были пережиты тяжелые невзгоды Великой Отечественной войны. Будучи уже врачом, я ехала по той же, памятной еще с детства, узкоколейной железной дороге, по которой доставляли торф на электростанцию. В вагоне разговорились с сотрудником Торфотреста Л., которого знала с детства. Он меня, конечно, не узнал, но когда я представилась, сказал мне: «Мы знали, что ваш отец ни в чем не виноват». А мой вопрос, почему же они за него тогда не заступились, остался без ответа.

Прошло еще 10 лет. Наша семья: мой муж-офицер, прошедший войну, впоследствии завершивший более чем 40-летнюю службу полковником, сын Володя, в будущем перспективный офицер, имеющий высшее военное и инженерное образование, уволившийся подполковником в начале 1990-х годов в связи с «нежеланием участвовать в развале армии», и дочь Оля, впоследствии освоившая профессии дирижера-хоровика, педагога-историка и логопеда, жили на окраине Горького в военном городке, куда мы переехали из Балахны.

Неотъемлемым членом нашей семьи была моя мама Ольга Николаевна Степанова (Селезнева), полностью посвятившая себя внукам. До переезда к нам мама преподавала немецкий язык в школе № 6 в Балахне. С этим городом у меня связаны самые теплые воспоминания. Там я окончила школу, там после

А.К. Бармин

В.А. Бармин

О.А. Бармина

окончания института работала участковым врачом, зав. здравпунктом Картонной фабрики, врачом скорой помощи, хирургом районной больницы, районным онкологом, там директором Картонной фабрики Г.Г. Казариновым мне была предоставлена квартира на берегу Волги, там я связала свою жизнь с А.К. Барминым, там родились наши дети. Там же после разоблачения культа личности Сталина с членов семей «врагов народа» было снято это незаслуженное «звание». В 1958 году по заявлению мамы отец был реабилитирован посмертно.

С Балахной у меня связаны и тяжкие воспоминания. Это аресты моего отца и трагическая судьба моего младшего брата Евгения.

Он, еще до разоблачения культа личности Сталина, будучи офицером, в какой-то анкете не указал, что его отец был репрессирован, за что был осужден судом офицерской чести, стал пить, попал в тяжелую аварию и был уволен из армии. Спустя несколько лет, не справившись с пристрастием к алкоголю, завербовался на Север, в город Заполярный. Уезжая, сказал, что

Е.М. Степанов

либо вернется человеком, либо не вернется никогда. Много лет от него не было никаких вестей. Я нашла его только в начале 1990-х годов тяжелым инвалидом. Вскоре он умер.

И вдруг поворот судьбы — муж получил назначение в Москву. Эта весть для меня была неожиданной и, более того, даже нежелательной. Я работала в Горьковском областном онкологическом диспансере. Работа мне нравилась, была достаточно успешной, я начала работу над кандидатской диссертацией, выполнение которой мне поручил заслуженный деятель науки, профессор А.И. Кожевников, стоявший у истоков организации онкологической помощи в Горьковской области. Поэтому переезд в Москву ставил множество вопросов, как бытовых, так и профессиональных.

Однако тревоги были напрасны. Все завершилось благополучно. Нам предоставили квартиру, я стала сотрудником крупнейшего в стране онкологического учреждения, с которым у меня связан самый продолжительный период работы. Это Всесоюзный онкологический научный центр АМН СССР (ранее Институт экспериментальной и клинической онкологии АМН СССР), ныне — Российский онкологический научный центр имени Н.Н. Блохина АН РФ. Здесь я работала врачом, научным сотрудником, ученым секретарем, защитила начатую в Горьком диссертацию. В процессе работы мне приходилось решать различные вопросы и общаться с очень видными учеными в онкологической науке. Среди них прежде всего наши земляки (горьковчане-нижегородцы) академики АМН СССР Н.Н. Блохин (директор центра) и его зам. Н.Н. Трапезников, а также Л.М. Шабад, Л.Ф. Ларионов, В.С. Шапот и многие другие.

На Ученом совете ВОИЦ АМН СССР. Слеванараво: зам. директора ВОИЦ профессор Ю.Н. Соловьев, директор ВОИЦ академик АН Н.Н. Блохин, зам. директора ВОИЦ член-корр. АМН Н.Н. Трапезников, ученый секретарь к.м.н. Н.М. Бармина, 1977 год

В середине 1980-х годов у меня возникло непреодолимое желание узнать, что же послужило причиной ареста моего отца, ознакомиться с документами по его делу, прочесть протоколы допросов. В течение почти 20 лет я пыталась докопаться до ис-

На Ученом совете ВОНЦ АМН СССР. Слева направо: зам. директора ВОНЦ профессор Ю.Н. Соловьев, директор ВОНЦ академик АН Н.Н. Блохин, зам. директора ВОНЦ член-корр. АМН Н.Н. Трапезников, ученый секретарь к.м.н. Н.М. Бармина, 1977 год

токов, обращалась в различные государственные учреждения, как говорится, «ходила по инстанциям». Кое-что удалось выяснить, при этом выявились некоторые противоречия. Так, например, в разное время я получила два свидетельства о смерти отца. В первом дата смерти — 1942 год, причина смерти — «цирроз печени», в другом — 1938 год, «расстрел».

Однажды меня пригласили на Лубянку, где стали убеждать прекратить попытки получить доступ к протоколам допросов и объясняли, что в то время устраняли и тех, «кто мог бы предпринять нежелательные действия». На прощание, видимо, для пущей убедительности, мне бросили фразу о том, что не предоставили бы эти данные даже Горбачеву.

Время шло. В начале 1990-х годов архивы были открыты, и я ознакомилась почти со всеми интересующими меня документами, связанными с арестами и реабилитацией моего отца. При этом я убедилась, что обвинения, предъявляемые моему отцу следователями НКВД, были основаны на придуманных фактах. Обо всем этом приходится горько сожалеть, ведь пострадало огромное количество талантливых людей, истинных патриотов страны.

И нужно низко поклониться тем неравнодушным людям, которые возрождают забытые имена, восстанавливают историческую справедливость, не позволяют грядущим поколениям забывать трагические уроки в истории нашей любимой Родины. Особую благодарность за помощь и поддержку в увековечении памяти моего отца выражаю В.И. Коршуновой.

Елена Васильевна ВАСКАНОВА

Словно райский уголок на земной планете вспоминал обычно наш отец Василий Максимович Балдин (1918–1992) родное село Домнино, неоднократно претерпевавшее за минувший век свою принадлежность то к Владимирской губернии, то к Нижегородскому краю, то к Горьковской области. Мы, семеро детей, понимали его ностальгию по родным и близким сердцу местам и домысливали, что рассказы отца включали в себя не только событийное описание происходившего, но и преувеличенную яркость детских впечатлений о любимом крае, о своей родине. Мы любили его рассказы, очень интересные, но лаконичные, о старинном житье-бытье наших предков, о его мастеровом отце — нашем дедушке Максиме Константиновиче, которого мы не сподобились увидеть. Загадочной была и остается причина и время его кончины. О своей бабушке Ольге Федоровне знали, что она умерла от голода в блокадном Ленинграде.

Когда родителей моих не стало, все чаще приходится удивляться на себя, почему не просила их при жизни самих описать некоторые события, почему не записала их рассказы хотя бы на магнитофон. Очевидно, моя невнимательность и стала поводом долгих поисков в архивах сведений о предках и неоднократных поездок на родину родителей.

С родителями в Домнине я была единственный раз в 1967 году. Прошлись по селу, в ту пору плотно заселенному. У меня остались лишь смутные воспоминания об этой экскурсии.

Ополченец Первой мировой войны
Максим Константинович Балдин,
1915 года

Помню, как стояли с родителями возле фундамента разрушенной до основания церкви, а родители вспоминали, каким был этот храм. Они попытались еще найти могилу прадеда Константина Ивановича, но ни креста, ни могилы на кладбище уже не осталось.

В 2013 году в очередной раз я приехала в Домнино. Рано утром, пока люди заняты домашними делами, направилась к месту этой разрушенной Ильинской церкви. К моему удивлению, в такое раннее время невдалеке уже стояла машина, немолодые люди приехали на кладбище посетить могилы своих родственников. Познакомились, разговорились. Оказалось, что одна из женщин мне вовсе не чужая. Она рассказала, что ее бабушка Агафья жила рядом с домом моего деда Максима Константиновича. У них были проблемы со средствами, и наш дедушка на свои деньги построил им дом. Соседи жили дружно, участливо относились к нуждам соседских семей.

В 1928 году мой дед по ложному доносу был арестован, а в июне 1929-го приговорен к трем годам лишения свободы. Ранним морозным утром 1931 года шум, крики и детский плач разбудили бабушку Агафью и ее семью. Выбежали они из дома и все поняли: добрались лодыри села и до тружеников Балдиных. Молодые здоровые мужики выгоняли из своего дома мою бабушку Ольгу Федоровну, которая наспех одевала проснувшихся от крика детей.

Ученик третьего класса
Вася Балдин. Фото сделано
незадолго до ссылки

Мой папа (тогда еще 12-летний подросток Василий) был младшим в семье. Детей покидали в сани, и семью повезли. А бабушка Агафья, сняв с себя тулупчик, упросила конвоиров взять его для детей и едва успела бросить тулуп в отдаляющиеся сани.

Позднее папа рассказывал нам, что посадили их в поезд, очень долго везли куда-то. Было холодно, голодно и грязно. На каждой станции хоронили детей, умерших в поезде. Не в гробах, а завернутых в чью-либо одежду закапывали в землю. Как перебивались в ссылке с едой, написала мне как-то в письме, моя тетя, сестра папы. Постоянно очень хотелось есть. Чтобы не потерять силы, рвали сухую траву и ели это вымороженное сено, заедая снегом, а позднее, когда снег растаял, горстями пили воду из луж или ручья. Из-под снега выковыривали прошлогодние клюковки, а потеплело — выискивали в траве высохшие ягодки.

Холода удалось пережить. Несомненно, оберегал в стужу тот самый бабушкин тулупчик, сохранял от простуды, сберег жизнь нашего папы. Учиться папе в школе не позволяли. Мальчиком он кочевал из одного города в другой. Зарабатывал на еду чем мог — на стройках помогал, ящики сколачивал. Он уже знал тогда, что отец, Максим Константинович, скончался от истощения по пути в родные края из тюрьмы.

Одна престарелая жительница села Домнино мне рассказала, что когда изгнали из дома семью моих родных — бабушку Ольгу Федоровну с детьми, исполнители этого позорного акта насилия несколько дней пьянствовали, сторговывая нажитые моими предками предметы быта, одежду. Ее мама купила тогда у этих молодчиков круглое зеркало и принесла к себе домой. А муж ее отругал со словами: «Чужих слез нам не надо», — и потребовал вернуть купленное зеркало.

Позднее в архивных документах мне попался перечень имущества, переданного на хранение государству после его изъятия в доме бабушки Ольги Федоровны. Перечень небольшой, притом количественно всего очень мало для многодетной семьи: пальто одно, простыней две... Ну, а зеркала в перечне не то что круглого, даже квадратного нет!

Пока мы росли, отец нередко вызывал у нас недоумение своей замкнутостью, неразговорчивостью. Мы знали, что многое он нам не мог рассказывать, поэтому сами лишних вопросов ему не задавали. Но иногда его мрачность внезапно исчезала, он шутил, очень образно, логически связанно излагал свои суждения по историческим вопросам, по жизненным проблемам. Было ясно, что отец наш — глубоко мыслящий человек, и хотелось, чтобы натянутость его поведения сменилась простотой и добродушием, свойственными его сестрам, нередко гостившим у нас.

Только теперь, спустя время, осознаешь, какую неизлечимую психическую травму нанесли нашему отцу изуверы, рвавшиеся к власти, уничтожавшие на своем пути всех и все, но не имевшие знаний и качеств достойного руководителя. Поэтому из аграрной державы страну быстро привели к голодной стране, разрушили вековой опыт сельскохозяйственного и производственного труда. Обнищало и наше некогда богатое село, люди уезжали в города в надежде выжить и прокормить семью. Как укор своей совести уничтожали грамотных, опытных руководителей. От зависти невежд пострадали и мой дед Максим Константинович, и его семья, в частности мой отец. Пострадали за свои труды во благо людей.

В далеком прошлом наши предки привезли в село технику, инструмент, зарабатывали на жизнь трудом. В их труде округа нуждалась, создавались предприятия, заводы. По архивным сведениям, наш дед Максим Константинович имел пять заводов в округе, на которых работало около 200 человек. Не все заводы он создавал сам — два завода перешли к нему по наследству от его отца, нашего прадеда Константина Ивановича. Свои предприятия имели и другие его сыновья: Дмитрий Константинович и Николай Константинович.

Василий Максимович Балдин
в период Великой
Отечественной войны

Братья Балдины вопросы решали глобально. Возникла потребность в кирпиче — они создали кирпичный завод. Из своего материала возводили не только себе жилье, но построили еще двухэтажную школу, большой магазин, ограду кладбища, ремонтировали храм, нуждающимся помогали строить дома.

Незадолго до начала Первой мировой войны возникла необходимость построить мельницу очень больших размеров. Никто не брался за ее изготовление. Тогда мой прадед сам занялся долгими зимними вечерами прорисовкой деталей сооружения, а с наступлением лета территорию перед своим домом превратил в участок изготовления огромной шестеренки будущей мельницы.

Помогали и старший сын Михаил, и сельские мастера. К осени мельница была собрана.

Максим Константинович нередко бывал в Петербурге, привозил издалека новые образцы механизмов, деталей техники, инструмент. Он был купцом 2-й гильдии, торговал с Прибалтикой, Польшей, Францией. По словам старожилов, в семье моего деда успехи достигались неустанными трудами всех членов семьи. Держали много скотины. Чтобы ухаживать за животными, дети очень рано вставали. Обязанностью дочери было приготовление обеда для рабочих, обедать к ним приходили охотно. В памяти у старожилов осталось, что на предприятиях платили щедро. Когда средств у семьи было маловато, брали подряд на работу в поле всей семьей.

Братья до войны мечтали конкурировать со столицей, дела спорились. Но с началом войны не смогли даже достроить каменную больницу. Жизнь остановилась надолго. Свое налажен-

ное хозяйство оставлять было рискованно, уходя на войну. Но защита Отечества — долг священный. И почти три года Максим Константинович провел в воинских подразделениях русской армии.

После войны в семье родился последний ребенок — наш отец, Василий Максимович. Казалось бы, счастье — расти младшим ребенком в большой дружной семье. Но после Первой мировой войны события стали развиваться, увы, не в сторону расцвета семьи, общества, государства. Предприятия были национализированы и отданы под управление или лодырям, или неумехам, а то и известным пьяницам, способным лишь развалить налаженное дело. Производство было обречено на медленное затухание.

В 1924–1925 годах Максим Константинович арендовал один свой бывший завод в компании с братьями Здобновыми, а в 1926 году его просили работать главным мастером общественного Домнинского завода с надеждой, что он выправит почти загубленное производство. Предприятие в опытных руках было механизировано и вскоре заработало надежно.

В то время сельскую жизнь организовывали люди, зачастую не способные к руководству, к труду, но настырно рвавшиеся к власти. Стали нередкими срывы поставок хлеба населению, сырья для производства. Завистники, боявшиеся потерять доступ к рычагам управления населением, строчили доносы на влиятельных лиц. 26 ноября 1928 года деда арестовали по наговорам. В документах дела подозреваемого переписывается его фраза о прохладном отношении к власти: «Царь свергнут, теперь уже стою за новую власть».

Опытного производственника интересовало, как работали агрегаты, поточные линии, и ему было не до интриг провокаторов, неприязненных отношений между людьми. Ни одна строка из доносов завистников не подтвердилась на суде как факт компромата на Максима Константиновича, но 18 июня 1929 года его приговорили к трем годам лишения свободы. Супруга его, Ольга Федоровна, осталась одна поднимать детей. Если старшую дочь была возможность учить в царской гимназии, то

после Первой мировой войны обучение детей стало доступным лишь в сельской школе.

Между тем из Нижнего Новгорода под грифом «совершенно секретно» приходили новые и новые разнарядки раскулачить назначенное число крестьянских хозяйств. На закрытом заседании злобствующих активистов района в марте 1931 года выполнили указанную из центра статистику фамилией моей бабушки, ее вместе с детьми внесли в списки на выселение.

Оказалось, что мой отец был «виновен» в том, что родился в 1918 году в семье незаурядного человека, труженика, любящего свое Отечество. Творить погромы, разрушения, устраивать голод нужны были иные исторические фигуры. Поэтому в ссылки отправляли таких, как мой отец, лишили их дома, родных, детства.

После нескольких лет скитаний по стране нашему папе стало позволительно учиться. Экстерном он окончил среднюю школу, учился в Ленинградском художественном педагогическом училище. В сентябре 1939 года был призван в армию. Когда началась война, участвовал в боевых операциях, получил тяжелое ранение. После продолжительного лечения был восстановлен к строевой службе и до полного окончания войны состоял в рядах армии. Но даже там солдата Балдина несколько раз пытались арестовать как сына «врага народа». Защищали командиры — на свой страх и риск прикрывали солдата.

После демобилизации отец приехал в Горький и здесь заново начал жизнь. Наши родители Василий Максимович и Евдокия Федоровна Балдины создали семью после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году. Односельчане, из многодетных семей, вдохновленные наступлением мирного времени, они с энтузиазмом работали школьными учителями в Горьком. Отец преподавал черчение и рисование, мама, окончившая Горьковский институт иностранных языков, была учителем немецкого языка.

Как участник войны отец получил участок земли под строительство дома. Поле (бывший учебный полигон) было размечено на участки. Выбрали квадрат в середине поля, потому что

на окраине у леса одним жить было страшновато. Родители поставили в центральном квадрате сарай и первыми поселились на территории. К зиме из сарая надо было переселяться в теплое помещение. Строил дом отец сам, мама помогала строгать доски, вдвоем переносили бревна. Ранение давало о себе знать, ночами после тяжелой работы отец стонал от боли. Но денег у фронтовика не было, чтобы нанять рабочих.

Впоследствии приходилось неоднократно делать пристрой к дому — семья уже стала многодетной. Отец наш, участник войны, периодически обращался в исполкомы района и города за помощью, но ни материалами, ни метрами жилья ему ни район, ни город не помогли.

На некоторое время родители переехали в Ленинград, где папа учился в Академии художеств, но по семейным обстоятельствам вернулись в Горький. Семья приумножалась. В 1952 году родилась я и стала третьим, но не последним ребенком в нашей многодетной семье (впоследствии родились еще четверо детей).

Мы никогда не видели своих родителей праздными — они всегда были заняты работой, домашними делами, уходом за детьми. Мама обычно распределяла обязанности между нами, в доме не принято было просто бездельничать ни взрослым, ни детям. При этом все отлично или хорошо учились, много читали, у всех были дополнительные увлечения. Летом родители изыскивали возможность ходить с нами на рыбалку, в лес, ездить на волжские берега или на какую-либо речушку в области, чтобы покупаться и позагорать в знойный летний день.

Вспоминаются и празднично накрытые столы в саду или в доме — обед украшался пирогами, испеченными мамой, а затем и нами, старшими сестрами. А папа воспитывал сыновей — с младенческих лет они приучены к работе с деревом, с металлом.

Нам, детям, нравилось, когда приходили гости — знакомые, родственники, обычно очень интересные люди, по своим занятиям связанные с духовностью, искусством, наукой. Среди соседей было тесное общение с тремя семьями — биологов

Чешковых, военного музыканта Ф.И. Киреева, врачей Вознесенских.

Отец рассказывал, что во время учебы в Ленинградском художественном педагогическом училище его еженедельно вызывали «на ковер» и задавали вопрос: «Не имеешь ли оскоминки на советскую власть?» Убили отца, крышу над головой отняли, родных по стране раскидали... Скажешь «да» — отчислят из училища. Вынужденно отвечал «нет»: отнятого не вернуть, а жить надо.

Военное время укрепило в отце веру во Всевышнего, надежду на высшую силу. Осмыслил он, что без помощи Божией зло неодолимо. Отец был человек одаренный, дела по работе шли прекрасно. Но убеждения отца не приветствовались начальниками атеистических взглядов. Один из прежних директоров уже в старости проговорился, что «Балдина от души помучил». Если хороший заказ несли на исполнение отцу, директор передавал его партийным деятелям. Или зарплату ограничивал, а у отца семеро по лавкам в доме, все еще учились, не работали.

Приходилось все выходные дни, отпуска подрабатывать в храмах как иконописцу. Опыт, мастерство, традиции росписи ему передал в послевоенное время царский иконописец Михаил Степанович Царев, который до революции расписывал Спасскую церковь Нижнего Новгорода, собор в Богоявлении, Сретенскую церковь в Балахне, остались его работы в Высоковской Троицкой церкви. Царев был уже в преклонном возрасте, искал преемника своего опыта в художественном фонде, нашел его в мастерстве нашего отца. Сначала работали на объектах втроем: М.С. Царев с сыном Александром Михайловичем и наш отец.

Впоследствии отец работал или один, или бригадиром художников в течение почти 40 лет. В те годы это был единственный художник в городе, к которому обращались с вопросами по настенной росписи храмов города и области. Когда стало возможным легально выполнять церковные заказы, отца, уже немолодого, «отблагодарили». Как-то пригласили его приехать в епархию. Он уехал из дома утром пораньше, а вернулся уже

под вечер, говорить долго не мог. Приняв лекарства, выразил возмущение беспардонностью, с которой к нему отнеслись. Участника войны, немолодого уже, да еще приглашенного, вынудили ждать приема в течение нескольких часов. Затем управляющий ему предложил продолжение его работы по системе откатов. Отец отказался. Тогда тот развел руками — мол, больше заказов не будет. Позднее на работах отца неумехи стали делать какие-то ненужные блики, наводили неуместные тени, а отец глотал нитроглицерин.

За убеждения доставалось и нам, детям, начиная со школы. Помню, меня обязали в воскресенье поехать на олимпиаду по одному из предметов честь школы защищать. Когда спустя время итоги были подведены, назвали победителя — мою фамилию. А еще через пару недель, когда отчеты погуляли по инстанциям, возникли иные лица, занявшие первые места. И так по 10-й класс включительно.

А брата моего «за убеждения» активисты-атеисты брали за руки за ноги и выбрасывали из школы. На жалобы родителей реакции со стороны руководства школы не было. Факт был рассмотрен на собрании только после того, как родители заявили директору, что сына-отличника в эту школу больше не пустят.

Наши старшие сестра и брат — Ольга и Алипий учились в Горьковском художественном училище, а затем в Высшем художественно-промышленном училище имени Строганова в Москве, затем всю трудовую жизнь, как и наш отец, посвятили изобразительному искусству.

Наши братья и сестры, которые по возрасту младше меня, многопрофильны. Иван учился в Горьковском художественном училище, работал несколько десятилетий художником-оформителем. Алексей учился на родине предков на механизатора, но жизнь вывела его в церковного певчего, он освоил основы вокала и около 30 лет пел в правом (профессиональном) хоре басовую партию наряду с выпускниками консерватории. Ирина окончила Горьковский педагогический институт. Елизавета полгода недоучилась в Горьковском строительном институте на архитектурном факультете из-за создавшейся семьи. Ее муж,

наш зять (ныне покойный) и задал жару всему нашему роду: после кончины папы в 1992 году начал войну за захват нашего дома и изгнание из него всех нас. Он умер, но дел наделал — не разгрести.

Папа очень настаивал на том, чтобы я пошла учиться на художника. Но мне к моменту окончания школы неоднократно приходилось подрабатывать в бригаде отца. В летнее время с 11 лет месяц я работала поваром бригады, а после обеда помогала в реставрации объекта. Хотелось учиться и на геолога, и на врача. А поступила я в Горьковский институт инженеров водного транспорта. По направлению работала в Дудневской ремонтно-эксплуатационной базе Московского пароходства, где мне, молодому специалисту, вручили толстые папки с чертежами рабочего проекта судна и назначили организовывать строительство головного (первого) образца насосной станции для Московского пароходства. А на берегу — песок и никакой оснастки. Пришлось заново пройти всю программу обучения института, но уже на практике. Нередко приходилось за книгами просиживать за полночь, чтобы при сварке металл не деформировался, чтобы судовые системы в работе не подвели, не ошибиться с заменой недостающего кабеля и улучшить внешний и внутренний дизайн. А вечерами приходилось еще и преподавать в учебно-консультативном пункте Московского речного техникума.

После сдачи головного образца государственной приемной комиссии меня «ошпарили» благодарностями — упрасивали вступить в ряды членов КПСС, в противном случае, сказали, путь мне перекрыт и по служебной лестнице, и в повышении зарплаты. Я перешла на работу конструктором в Горький.

В начале 1990-х годов нашим сотрудникам пришлось первыми получать статус «ненужных» — хороших специалистов увольняли по сокращению штатов, заказами обеспечивали нестабильно, инфляцией поглощались наши невысокие инженерные зарплаты. В 1993 году, когда уже скончался папа, мне было стыдно признаться маме, что я, ведущий конструктор солидной проектной организации, не всегда могла купить даже молочные

продукты. Зарплату задерживали на 6–8 месяцев, а выдавали ее уже превратившуюся в ноль от инфляции. Пришлось переходить на работы по своим дополнительно приобретенным специальностям. Работала корреспондентом нижегородской газеты, региональным корреспондентом одной из российских газет.

Впоследствии жизнь меня вывела заниматься проблемой взаимодействия церкви и армии. В числе других активистов около 10 лет я в силу возможностей содействовала духовной поддержке армии и правоохранительных учреждений. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) обычно с радостью приветствовал все наши начинания. «Благословляю обеими руками», — нередко напутствовал он. То были годы тяжелых испытаний — первой и второй чеченских войн. И военные, и милиционеры нуждались в духовной поддержке.

Нижегородская епархия обычно выделяла священника на необходимые богослужения, мероприятия. С 1996 года действовал церковный приход в честь иконы Державной Божией Матери для духовной помощи армии и правоохранительным учреждениям. Я всегда вспоминала доводы своего отца-фронтовика о том, как необходима была такая поддержка им, защитникам Отечества, в годы войны, несмотря на то что официальной государственной идеологией был тогда атеизм, и прежде всего в армейской среде.

С помощью председателя совета прихода генерал-лейтенанта Льва Васильевича Павлова был выделен участок земли в центре города для создания православного комплекса духовной поддержки защитников Отечества, выполнен проект застройки, рабочий проект первой очереди строительства. Но после кончины митрополита Николая, знавшего солдата не понаслышке, а по военному времени, Нижегородская епархия нового тысячелетия грубо показала «ненужность» работы прихода, действовавшего по рекомендациям председателя отдела Московской патриархии Русской православной церкви по взаимодействию с армией и правоохранительными учреждениями, очернили и генерала, и весь совет прихода за то, что подняли пласт работы и довели взаимодействие до активной фазы. Ну что же — флаг в руки тем, на чьем пути мы встали! Точнее, крест в руки...

Балдины Василий Максимович и Евдокия Федоровна, 1986 год

Уходят годы, меняется жизнь. Но до сих пор от некоторых людей приходится слышать осуждение позиции нашего отца — якобы мог похитрее жить и партбилет получить для пущей гибкости и изворотливости, как это делали очень многие в ту пору. В свое время отказалась получить партбилет и я. Тогда меня поставили перед фактом, что карьеры не будет, чтобы даже не надеялась. Насилие над волей — такие ультиматумы.

За почти уже 100 лет в России мало что изменилось. Насильно лишают нажитого уже третье наше поколение, притом в пользу мошенников и лодырей. Важно, что грабят под прикрытием закона. Ограбили бабушку с дедушкой, их семью. Гонимым всю жизнь прожил наш отец, мошенники ограбили маму, это значит — и нас. Ограбили всех через суды несправедные. Территория вокруг нашего дома давно уже плотно обросла домами. Обжитая земля стала называться нижегородской «Рублевкой», участки резко подорожали в цене, стали по

карману лишь тем, кто сверх зарплаты доход имеет. Скупают землю, притом в очередь, своим чадам экс-работники администрации и силовых структур, действующие вороватые руководители предприятий коттеджами обзаводятся. И Советский районный суд при поддержке прочих силовых структур помогает «эту очередь» ускорить. До защитников ли Отечества в таком базаре влиятельных силовиков и власть предержажших? «Зацепили» мою престарелую маму-вдову, будто она мошенникам все подарила. За защитой — в суд. А суд за тех, кто землей торгует. Так маму Советский суд «защитил», что мама не выдержала — скончалась. А судью проводили на пенсию, назначили ей пенсионные привилегии за ее внутренние «убеждения», с которыми закон как дышло поворачивала. Купюры денежной стороны — флюгер. Как повернули — так и вышло. Повернули закон — и маму в землю закопали. Повернули — оказалось, дед-то наш без вины виноватый погиб. И даже справку о реабилитации дали. Еще повернули — выяснилось, что беспричинно моих папу, бабушку, тетей, дядей крова лишили. И непонятно, с какой стати за такие издевательства над людскими судьбами судейские привилегии назначают судьям при выходе на пенсию?

Когда же закон, признавший незаконность репрессий, вернет нам нажитое поколениями? Пока происходят ограбления через суды тружеников — это не жизнь, а существование. Утешает только власть высшей силы. Разрушителей истины, храмов, душ людских судит Всевышний за наши скорби уже здесь, на земле. Примеров тому множество. Потому все, что делается против истины и божией правды — ненадолго.

Дмитрий Иванович ГЛЕВСКИЙ

Наша семья жила на Украине, в селе Ново-Даниловка Акимовского района Запорожской области. Жили хорошо, было свое подсобное хозяйство, было много скотины, земельные наделы, выращивали овощи, в общем, ни в чем не нуждались, потому что работали не покладая рук.

Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930 года изменило в корне всю жизнь нашей семьи. Мой отец Иван Степанович Глевский, мама Елена Федоровна Глевская, их дети — семилетний Петя и месячный Ваня стали неудобны властям и были высланы в марте 1930 года в Архангельскую область на вечное поселение. Я родился через девять лет после высылки, в 1939 году, в ссылке, как и мой брат Николай (1933 г.р.).

Семью Глевских, как и многих других переселенцев, высадили на станции Коноша Архангельской области. Как мы выжили, не знаю. На станции скопилось тогда 9356 человек репрессированных. Эти годы явились тяжким испытанием для родителей и детей. Я преклоняюсь перед моими родителями, которые сберегли нас в жутких условиях Севера.

Вокруг был лес, снег, мороз. «Стройте себе жилье», — распорядилось начальство. Построили шалаш, запасли дров, благо кое-какие инструменты привезли с собой. Так началась новая жизнь. Но надо было выжить! Число переселенцев быстро сокращалось: умирали дети от отсутствия медицинской помощи, умирали взрослые от тяжелой работы и недоедания. На лесо-

Семья Ивана Степановича Глевского: его жена Елена Федоровна, моя бабушка Анастасия, старший брат Петр (погиб в Великую Отечественную войну, в 1943 году), брат Иван (умер в 1992 году), брат Николай (живет на Украине, ему 82 года), 1938 год

повале и на строительстве железной дороги Коноша — Вельск — Котлас — Воркута люди теряли много сил, из техники были двуручная пила, топор, лом, кайло, лопата и тачка.

У отца появилась возможность работать в леспромхозе: здесь и начались неприятности. Начальник заставлял его, уставшего, обледеневшего, работать еще одну смену. Отец отказался, и его отправили в лагерь на семь лет. Но и там он выжил, хотя лагерная жизнь была тяжелым уроком для многих мужчин и женщин. Когда он освободился и узнал, что в лагерь попал «ни за что», его здоровье резко ухудшилось. Домой он вернулся на носилках, был парализован, после чего встать уже не смог.

На долю мамы, одной с четырьмя детьми на «спецпоселении», тоже выпало множество невзгод. Надо было за всем приглядывать, она держала коз, выращивала в своем огороде картофель, овощи. Когда есть молоко — жить значительно лучше, да и старшие уже во всем помогали.

Мемориальная доска, установленная Д.И. Глевским, июль 2010 года

На спецпоселении в местечке Кварзанга была начальная школа, я ее окончил и продолжил учебу в п. Подюга, в семи километрах от Кварзанги. Домой в Кварзангу ходил пешком в любую погоду в течение 1-й и 4-й четверти. Зимой жил в интернате или на частной квартире. Учился хорошо, на жизнь не жаловался, хотя очень скучал по родным. Окончив семь классов, поступил в ФЗО, где получил специальность тракториста, начал работать и стал самостоя-

тельным. Пришла пора жениться. Очень понравилась мне девушка по имени Аня.

Примерно в 1947 году «спецпоселенцы» получили свободу, их комендатура не стала тревожить, можно было выехать за пределы «спецпоселения», можно было получить паспорт. Многие воспользовались возможностью покинуть место ссылки и уехали, но наша семья пока не имела средств для переезда, да и в архангельской земле остался лежать мой отец. Через некоторое время мама с братом Николаем вернулись на Украину, а мы с супругой переехали в Иркутскую область, потом Якутия приняла нас в свои объятия, где 18 лет я проработал на речном флоте, 12 лет был старшим инспектором по маломерным судам, работал и автокрановщиком.

Спецпоселок Кварзанга не только место моего рождения, но и место установки поклонного креста в память о людях, оставшихся лежать в земле, практически замученных непосильным трудом. Поклонный крест установлен благодаря инициативе моей и еще некоторых потомков репрессированных. Мы по-

жертвовали деньги, а местный плотник его изготовил, батюшка освятил по православному обряду, после установки креста прошел поминальный обед. Это произошло в 2009 году, а на следующий год была установлена мемориальная доска «Невинным жертвам политических репрессий 1930-х годов».

Теперь поселка Кварзанга, построенного в 1932 году, нет, остались одни бугорки, но мы приезжаем каждый год на это место и вспоминаем о прошлом, которое будет с нами, пока мы живы.

Судьба привела мою семью в Нижегородскую область, в село Великий Враг Кстовского района. Со мной живут жена Анна Петровна, дочь Наталья, внучка и правнучка. Нам нравится природа средней полосы, люди приветливые.

Пусть поклонный крест, установленный в бывшем спецпоселке Кварзанга, напомнит о репрессиях 1930–1950-х годов, и люди, увидевшие его, задумаются.

Вера Николаевна ИГНАТЬЕВА

Со времен моего детства прошло много лет, но воспоминания о событиях тех дней все еще свежи в моей памяти. Жили мы в городе Бологое Калининской области, где я и родилась в 1934 году. Как известно, город Бологое — крупный стратегически важный железнодорожный узел между Ленинградом и Москвой, и мой отец Николай Иванович Гладышев работал техником связи на железной дороге.

В нашем доме в те годы был телефон, что было большой редкостью. Мама мне говорила, что папа даже проводил микрофон к моей люльке, когда я маленькая спала в саду, чтобы услышать, не проснулась ли я. Папа был большой выдумщик на разные игры и причуды, он умел интересно играть, шутить и рассказывать. Когда я подросла, начала звонить папе на работу, все его сослуживцы меня знали, и я часто по телефону рассказывала им стишки и пела песенки. В нашем доме очень часто раздавались телефонные звонки, и я знала, что папу вызывали на сверхурочные работы или консультировались, так как он был высококвалифицированным специалистом, все время учился, развивался, читал книги по своей специальности. Он не только хорошо знал свое дело, но и параллельно изучал другие технические науки и неплохо в них разбирался. По-моему, не было такого вопроса, на который он не мог бы ответить. Он пользовался огромным уважением со стороны сотрудников, друзей и коллег. Когда мы с мамой

Александра Федоровна Гладышева
с дочерью Верой,
25 августа 1935 года

приходили к нему на работу, все очень тепло и по-дружески нас встречали.

Из моего детства я отчетливо помню, что была очень привязана к моему отцу, всегда ждала его возвращения домой. Для меня он был самым лучшим человеком на свете. Никто не умел так интересно играть со мной, как мой папа. Мы вместе катались на лодке по озеру и ловили рыбу, зимой катались на коньках, на санках, ездили на пароходе до Костромы и Ярославля к родственникам. Все свое свободное время он посвящал мне и маме.

Мама родилась в деревне, она была 13-м ребенком в семье и до замужества не получила никакой специальности, поэтому была домохозяйкой и нигде не работала, пока папа был с нами. Папа был очень умным человеком, у нас дома на полке стояло много книг, которыми пользовался только он. Я не помню, чтобы он хотя бы один раз сказал грубое слово кому-либо из нас. Если я что делала не так, достаточно было его взгляда, и мне сразу становилось все понятно. О моем папе тоже можно написать не одну книгу, такой неординарный он был человек. У него было прекрасное чувство юмора, он умел и любил шутить. Мой папа не имел никаких вредных привычек, никогда не принимал таблеток, старался лечиться природными средствами. Кроме того, он не любил шумных компаний и застолий, чаще всего проводил время со своей семьей. Насколько я помню, он никогда ни от чего не лечился и не ходил по врачам. Он очень любил меня и маму.

Затем наступил страшный 1941 год, который перевернул всю мою жизнь. Немцы пытались разбомбить тот важный же-

Николай Иванович Гладышев,
16 марта 1933 года

лезнодорожный узел, где мы жили, и до сих пор я плачу от воспоминаний о событиях тех дней. Хотя я была маленькой девочкой, но очень хорошо помню, как однажды было прямое попадание бомбы в дом напротив нас, где в это время находилась молодая женщина с ребенком. Я помню, как мы прятались в лесу, жили в шалаше, как однажды папу, контуженного, с перевязанной голо-

вой, привели с работы под руки домой. Нам приходилось есть траву, ягоды, все, что могли найти в лесу.

Однажды 21 сентября 1941 года мой папа не пришел домой с работы. Мне было шесть лет. Вскоре мы узнали, что 29 сентября 1941 года папу расстреляли как врага народа. Соседи маме посоветовали уйти из дома, так как нас тоже могли забрать как врагов народа, и мы, оставив свое жилье и взяв с собой немного вещей и документов, уехали к родственникам в Порхов.

С этого момента начались наши скитания. Маме надо было учиться зарабатывать, а мне получить какое-то образование, о чем так мечтал мой папа. Про то, что мы пережили за эти годы, можно написать несколько томов книг. Это самые тяжелые воспоминания моей жизни, но, как бы ни было трудно, всегда находились добрые люди, которые протягивали нам руку помощи. Я, например, помню одну многодетную латышскую семью, которая приютила и заботилась о нас долгое время. Мама была неприспособленной к жизни, так как привыкла жить за надежной спиной отца. Ей приходилось соглашаться на любые работы, чтобы прокормить семью, пришлось научиться многому, но вскоре из нее получился неплохой повар. Я помню, что и мне в детстве приходилось пасти хозяйский скот в деревне, выполнять какие-то другие сельскохозяйственные работы.

Фактически мы были бомжами без крыши над головой, как сейчас называют таких людей, жили в лесу, скитались по разным местам, оставались там, где найдем приют. Из-за этих обстоятельств мы потеряли связь со своими родственниками, до сих пор не смогли ее восстановить. У нас были родные в Ярославле, Костроме, Порхове, Бологом и других городах.

Я начала работать с 14 лет, когда мне доверили получать зарплату для учителей сельской школы. Около двух часов я ездила на лошади (даже в мороз, в ливень) в районный центр раз в месяц, чтобы получить в банке деньги. Когда мне исполнилось 18 лет, меня взяли официально работать на должность счетовода в Печорском райфо (Псковской области) в налоговую группу. Параллельно я окончила среднюю школу и позднее Ленинградский промышленно-экономический техникум по специальности «бухгалтер». Вскоре после окончания техникума меня взяли работать в банк на должность помощника бухгалтера и предоставили жилье. Кроме того, меня заметили в райкоме комсомола и пригласили работать зав. сектором учета и статистики Печорского райкома ВЛКСМ Псковской области.

В октябре 1955 года я вышла замуж за своего единственно-го любимого мужчину Николая Игнатьева, с которым прожила всю жизнь. Когда мы познакомились, он только что пришел из армии и работал в милиции. Мы вместе занимались спортом, ездили на природу, не раз получали призовые места на соревнованиях по стрельбе, активно работали в комсомоле. После того как у нас родились две прекрасные дочери и сын, мне пришлось оставить работу в комсомоле и перейти бухгалтером на три-

Сын Веры Николаевны Сергей с детьми Машей и Сашей

котажную фабрику, где я доработала до должности главного бухгалтера.

В те годы у меня была цель — дать своим детям хорошее образование, чтобы они были достойными своего дедушки, поэтому наша семья в 1970 году переехала в Нижний Новгород. Здесь я проработала 20 лет в должности начальника отдела учета и контроля производства грузовых автомобилей Горьковского автозавода. Я была очень рада получить эту работу, так как машиностроение было моей специализацией по диплому. В Нижнем Новгороде прошла большая и лучшая часть моей жизни: выросли дети, получили образование, завели свои семьи и родились внуки.

Моя старшая дочь Марина окончила Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков имени Добролюбова. Она много ездила по всему миру в качестве технического переводчика английского и испанского языков. Работала на конференциях, семинарах, конгрессах, один раз даже переводила министра нефтепереработки. В настоящий момент работает директором переводческой компании в Нижнем Новгороде. Замужем, имеет дочь и внука, моего правнука.

Ее дочь Маргарита (моя внучка) в настоящий момент работает стоматологом в одной из лучших клиник города, она прекрасный специалист, и ее работа высоко оценена благодарными клиентами.

Вторая дочь, Елена, окончила с золотой медалью среднюю школу, потом легко поступила в МГУ на физический факультет, работала в научно-исследовательских институтах в области лазерных установок, сейчас занимается преподаванием. Прекрасно знает физику и математику, для нее нет задачи, которую невозможно решить. Ее дочь Надежда замужем в Москве, окончила Московский институт иностранных языков и работает менеджером в немецкой компании.

К сожалению, я пережила своего сына Сергея, он умер в возрасте 43 лет от сердечного приступа. Мой сын был хорошим строителем, мастером золотые руки. У сына три дочери, которые живут и работают в городе Печоры Псковской области. У них свои семьи, народились дети, мои дорогие правнуки. Всего у меня уже пять правнуков.

Из-за репрессий отца моя мама не получала никакой пенсии и только в 1963 году поехала в Калинин, где подала документы на реабилитацию своего мужа в областную прокуратуру. Вскоре в 1964 году ей выдали справку о реабилитации и впоследствии начислили небольшую пенсию по потере кормильца.

Подводя итог, хочется сказать, что жизнь моя, конечно, была нелегкой, но те сложные обстоятельства и трудности, которые я пережила, сделали меня сильнее. Наверное, я не смогла бы всего достичь, если бы не испытания, которые закалили мой характер и силу воли. Оглядываясь назад на свою жизнь, я очень сожалею, что мой отец погиб ни за что, скорее всего, по фальшивому доносу, но светлый его образ я пронесла через всю свою жизнь и рассказываю о нем своим потомкам, чтобы они знали свои корни и гордились своим происхождением.

Владимир Андреевич КОТОВ

Я участник битвы на Курской дуге во времена Великой Отечественной войны. Родился 25 июня 1921 года в городе Арзамасе Нижегородской области пятым ребенком в семье.

Отец, Андрей Иванович Котов (1880 г. р.), из крестьянской семьи, родом из села Медынцева Арзамасского уезда. Помимо Андрея Ивановича в семье моего деда было еще два сына: Федор — старший и Дмитрий — младший. Мать, Прасковья Харитоновна Котова (1888 г. р.). — домохозяйка с одним классом образования.

Когда я родился, семья жила на съёмной квартире, куда отец переехал еще в 18 лет. Сначала работал счетоводом, потом бухгалтером, затем старшим бухгалтером в Госбанке. За свою жизнь дом он так и не построил.

У меня было пять братьев: Валентин, Константин, Леонид, Николай, Борис и я — Владимир. С такой большой семьей родители много раз переезжали с квартиры на квартиру. В 1936 году отец ушел на пенсию и стал работать преподавателем в сельхозшколе, преподавал бухгалтерию — учил сельчан на счетоводов. По вечерам подрабатывал в школе. К тому времени брат Борис уехал в Нижний и поступил в политехнический институт. Брат Николай женился и отделился. Брат Константин уехал в Ленинград, окончил архитектурный институт, работал там архитектором. У Леонида было уже пятеро детей. В семье остались папа, мама и я.

На фронте

Наступил 1937 год. Мне было 16 лет, учился в девятом классе. Однажды к концу дня домой явился парень лет 30 и спросил, где Андрей Иванович. Его не было дома, поскольку он вечерами работал в школе. Когда отец вошел, ему сразу же предъявили ордер на арест и увели, не дав попрощаться. Я, прячась во дворах, побежал за ним. Так я узнал, что отца арестовали и привели в милицию. Я бегом домой, сообщил об этом матери. Когда она появилась в милиции, ей сказали: «Не ваше дело. Он арестован по 58-й статье. Все!»

Мать осталась один на один со своей бедой, стала продавать все, что можно было продать. Даже газеты, которых дома было предостаточно. Люди покупали и делали из них сигарки. Меня забрал в г. Правдинск старший брат.

После ареста к нам домой не раз приходили с обыском люди в форме. Не найдя ничего существенного во время очередного обыска, они забрали золотые кольца и сережки. В сундуке нашли старые, вышедшие из оборота деньги и забрали их со словами: «Вы ждали царя, вот и хранили деньги».

Отца отправили на север Горьковской области — в Унжлаг. Меня исключили из комсомола, но через два месяца восстановили. В Правдинске брат Николай на тот момент окончил ФЗО и устроился механиком на Правдинский бумкомбинат, у него родился сын Толя. Я окончил 10 классов и поступил в Ленинградскую лесотехническую академию имени Кирова. на факультет бумажных машин. Мне очень хотелось на радио, но туда не взяли. Это был 1938 год.

А через год, на радость всей семье, отца освободили. Окончив с отличием первый курс академии, я перешел в Горьковский (Нижегородский) политехнический институт. Со второго курса взяли в армию. Попал в г. Гродно в 949-й отдельный батальон связи, где я освоил азбуку Морзе. Из общегития направили летом в лагерь, где мы жили в палатках. А 22 июня 1941 года на нас посыпались бомбы...

Мирную службу я проходил с июня 1939 года по октябрь 1941 года, где обучался на радиста, старшего радиста. А в 1943 году в должности начальника радиостанции меня отправили для усиления вооруженных сил на Курскую дугу. До военных действий 23 февраля 1943 года я получил медаль «За заслуги перед Отечеством».

Участвуя в боях за Родину на Курской дуге, я, нарвавшись на мину, получил тяжелейшие ранения в глаз, грудь и ногу. И если бы не та медаль «За заслуги», не было бы меня в живых. Осколок попал в медаль (храню ее, как оберег) и вырвал часть металла. Меня доставили в медсанбат на санях, уложили в сарае и обложили соломой. Я ничего не видел. Через день зрение стало возвращаться, правда, только в одном глазу. Но и это было счастьем! Позднее меня перевезли в Тулу и сделали операцию. Через неделю отправили поездом в Сызрань, а через месяц — в Чкалов (бывший Оренбург). Оттуда меня и комиссовали, дали третью группу инвалидности. Было мне 22 года.

Пока я служил и воевал, родители в 1940 году уехали в Ленинград к старшему сыну Константину, а в 1942 году их эвакуировали в Гаврилов Ярославской области. Там умерла от

голода мама, а отец выдержал и затем переехал в Вачу Горьковской области к другому сыну. Туда же направился и я.

Брат в Ваче работал зам. начальника почтового отделения. У него была бронь (на фронт не брали), работал техником. После обращения в Вачский райсельхозотдел отцу предложили работу в колхозе в с. Жокино. Там ему выделили вместе с сыном квартиру.

Я устроился заведующим избой-читальней с окладом в 101 рубль от сельсовета. Выписали хлебную карточку. Хлеб давали мукой. По инвалидности платили 36 рублей. Отец вскоре нашел женщину и ушел к ней.

Шел 1944 год. Я поступил в Горьковский университет на заочное отделение, которое вскоре ликвидировали из-за малочисленности. Пришлось перевестись в Горьковский педагогический институт (тоже заочно) на физико-математический факультет. Надо было работать по будущей специальности, и мне предложили работу в средней школе с. Ярцево — классное руководство в пятом классе и черчение во всех классах. И когда я был уже на третьем курсе, мне зачли стаж как учительский институт. Так я стал педагогом математики и физики.

Пора было обзаводиться семьей. У меня была девушка Ольга из с. Жокино. Ее родители сначала были против, но потом согласились. Свадьба, если это можно было так назвать, состоялась. Завели живность: кур, овцу, кошку. Через год купили козу, потом купили с соседями корову, кормили по очереди и доили, естественно. Потом корову выкупили, продали и купили половину дома. За это время Ольга заочно окончила семь классов в с. Ярцево, а затем заочно выучилась на счетовода. Я помогал ей и в учебе, и по хозяйству. В сентябре 1945 года у нас родилась дочь Ираида, а затем сын Евгений.

У отца 1 мая 1945 года тоже родилась дочь (моя сестра). В настоящее время живет в Сибири. В 1953 года умер отец от воспаления легких.

Несколько лет мы жили в Новинках, а в 1966 году переехали в Горький (Нижний Новгород). Сняли квартиру. Я поступил на службу в неполную среднюю школу № 90 в п. Копосово

(5–7-й классы). Как инвалиду ВОВ мне и семье выделили жилье в Заводском парке. Это была коммунальная двухкомнатная квартира без удобств. Там жили преподаватели.

Через год работы в школе я перешел в Сормовский машиностроительный техникум. А еще через год получил квартиру в пятиэтажном доме, где и проживаю до настоящего времени. В техникуме работал старшим преподавателем математики.

В 2011 году отметил 90-летний юбилей (на фото слева направо: я в очках, сидит жена Ольга Васильевна, сзади — член Сормовского совета ветеранов Александр Семенович Шебалин и председатель Совета организации жертв репрессий Сормовского района Галина Ивановна Окунева). Ольга Васильевна работала на заводе «Красное Сормово» дежурной в бюро пропусков до пенсии. Из жизни ушла 3 марта 2012 года. Дочь Ираида окончила Сормовский машиностроительный техникум по специальности «Обработка металла резанием». Вышла замуж, в 1973 году у нее родился сын Андрей. Андрей (мой внук) работает на заводе «Красное Сормово» начальником цеха, окончил политехнический институт, у него две дочери (мои правнучки) — Настя и Рита. У сына Евгения — дочь Галина, тоже работает на заводе «Красное Сормово».

Я прекрасный шахматист, всю свою сознательную жизнь вел кружок. Несмотря на 50-процентное зрение, до сих пор сам себя обслуживаю, готовлю сам, хожу в магазин, никому не доверяю. Дома у меня порядок, везде говорящие и цокающие будильники. Но вот газеты уже не читаю, так как надо пользоваться лупой, а это тяжело.

25 июня мне исполнилось 94 года.

Анна Всеволодовна КУТИЛОВА

Ну какие сверхмифические силы
Загнали наших матерей
В жернова страданий и мучений?
Там можно было выжить? Нет!
Выжить в вечности скорей.
Г.И. Окуева, 02.06.2015 г.

Свои воспоминания я посвящаю моей маме Анне Всеволодовне Кутиловой. Родилась я 29 октября 1919 года в Ивановской области в деревне Осоково в большой крестьянской семье. Отец, Василий Васильевич Кутилов, 1876 года рождения, в 12 лет остался сиротой, тем не менее обучился портновскому делу, вел розничную торговлю фуражом. Со временем построил свою лавочку, так сказать, вел свое дело. Мама, Анна Всеволодовна Кутилова, 1890 года рождения, была домохозяйкой. Мой дед по маминой линии, Варенцов Всеволод Васильевич, жил вместе с бабушкой, Марией Дмитриевной Варенцовой, в деревне Колово Ивановской области. Семья дедушки состояла из четырех дочерей и сына. Дед умер рано, а бабушка ослепла. В 15 лет бабушка пошла работать в люди.

Моя мама вышла замуж за вдовца, у которого было ни много ни мало четыре мальчика. Я родилась пятым ребенком после мальчишек, после меня пошли девочки. Семья была крепкой, хозяйство ухожено, жили дружно и следили за порядком.

Старший, Александр Васильевич, занимался лошадьми, любил работать на земле. Толя и Витя были отправлены на обучение портновскому делу к дяде в д. Шубино Борского района. Они впоследствии стали отличными портфными.

В 1929 году отцу пришлось уйти из дома, чтобы избежать ареста. Но в покое нас все равно не оставили, выселили всю семью (на руках у мамы было пятеро детей) и поселили в нежилую дом. Это была трагедия. Мыши бегали всюду, есть было нечего, поскольку все отобрали. Потом арестовали маму. Мне тогда было девять лет, самой маленькой сестренке — два года. Я запомнила на всю оставшуюся жизнь, как младшие гуськом шли за мной на дорогу и вместе мы молились: «Господи, пришли нам маму». Мы жили как в страшном сне. Наш дом, чистый, обихожный, был отдан под школу и сельсовет.

Маму в тюрьме кормили селедкой, не давали пить, пытались выведать, где золото. «Золото — это мои дети», — отвечала она. В тюрьме она провела 40 дней.

Папу без документов все-таки прихватили в Москве и отправили в Архангельск на поселение. Тетя Таня, сестра папы, взяла его на поруки. Три года было какое-то затишье. Папа вернулся и был с нами. Но пришел 1937 год. За папой вновь пришли, и на этот раз было все гораздо трагичнее. Дело в том, что в Польше жил муж маминой сестры (поляк), и папу арестовали как врага народа за связь с границей. Позднее мы узнали, что его продержали несколько недель, но затем расстреляли. В справке было указано: «Умер в 1942 году от инфаркта миокарда». А в последующем документе о реабилитации: «Расстрелян 26 октября 1937 года в Н. Новгороде на Бугровском кладбище».

Во время войны мама отнесла на мельницу 10 пачек спичек, чтобы обменять их на муку. Ее арестовали за то, что у нее был запас спичек... Маму отправили в Буреполом, несмотря на то что на ее попечении были несовершеннолетние дети. Я ездила к маме в Буреполом, помогала ей создавать там ясли для детей осужденных. Ходила к адвокату с куском хлеба плюс бутылка молока. Там люди умирали, как мухи. Моя бабушка всегда говорила, что мамочка вернется. Нашей мамы не стало

в 80 лет. Выдержав все трудности, она была реабилитирована в 1994 году.

Я окончила девять классов и вынуждена была оставить школу, чтобы поехать работать в Каликинскую начальную школу и заочно учиться в Сормовском педучилище. В 1945 году начальная школа в Каликине была реорганизована в семилетку, так называемую подрезервную начальную школу. Сначала я жила при школе, затем дали мне жилье в Каликине. Здесь я проработала 10 лет учителем начальных классов. В 33 года стала заведующей школой, 14 лет возглавляла методическую работу, объединявшую работу семи начальных школ. Последние 10 лет до пенсии возглавляла полную среднюю школу в Каликине.

В 1950 году вышла замуж, фамилию не меняла — было не до того. Моя дочь, Эльвира Евгеньевна Елагина, живет в Нижнем Новгороде. Окончила Семеновский техникум деревообработки, работала экономистом на Горьковском автозаводе. В 2013 году овдовела. Внучка Лада (1989 г. р.) окончила Высшую школу экономики, работает. В Каликине я оставила участок земли в две сотки и с 1999 года живу в Нижнем Новгороде.

Младшая сестра всю жизнь жила с мамой. Братья Анатолий и Виктор 20 лет проработали в Нижнем. Все мои племянники устроены.

Сейчас я почти слепая, но жить хочется. Все мои родные меня любят, как и я их.

Ираида Алексеевна МАСЛЯКОВА

Мой дедушка, Евлампий Иосифович Одаранский, происходит из знатного аристократического рода, почетный потомственный гражданин города Владимира. Последнее место работы — машинист на Владимирской железной дороге. Бабушка, Зинаида Ивановна Смирнова-Одаранская, была домохозяйкой.

Мама, Лидия Евлампиевна Одаранская-Блохина (1900 г. р.), окончила гимназию, работала бухгалтером на бойне на Сенной площади. Папа, Алексей Михайлович, был кадровым военным, политруком, поэтому мы часто переезжали на новые места его службы. В 1937 году папа был арестован на военных учениях в Старой Руссе и осужден по статье 58 как «враг народа». Мы о нем ничего не знали, жив он или нет (он был лишен права переписки).

10 мая 1941 года мне исполнилось одиннадцать лет. Мы с мамой и братом Герой жили тогда в г. Горьком на улице Шевченко. Когда началась Великая Отечественная война, в доме еще сохранялись скромные запасы продовольствия. А потом наступили голодные времена. Мама как работающая стала получать по карточкам хлеб, у нас тоже были иждивенческие карточки. Я как старшая (на два года старше брата) вставала вместе с мамой в четыре утра и шла записываться в очередь за хлебом, иногда меня сменял младший брат.

Получали хлеба на три карточки на день*. Вечером в печке мама варила нехитрую похлебку и делила купленный нами

* 300 г — иждивенческая норма хлеба в день; 400 г — детская; 500 г — служебная; 600 г — I и II категории рабочих; 800 г — высшая категория.
Прим. сост.

хлеб, часто отдавая мне с братом свою порцию. Одежду нам тоже шила мама: перелицовывала пальто, надвязывала рукава на кофточках крючком, на спицах вязала носочки, шапки и шарфики. Наша мама умела делать абсолютно все! Когда она успевала спать, это было загадкой. Она была очень красивой и выдержанной, учила нас верить в скорую победу и много трудиться, будь то учеба в школе или домашние дела и приготовление пищи.

Большим подспорьем стала столовая, в которой маме на тарелки давали суп. Суп был двух видов — один из костей и капустных листьев, другой из жиденько разведенных дрожжей с косточками, больше ничего не таилось в тарелках, но и эта еда была прекрасной.

Начиная с 1942 года, немцы стали все чаще совершать налеты на автозавод, пытались уничтожить Канавинский мост. Бомбили в основном ночью. Наши зенитные орудия расположились в Больших Оврагах, это рядом с нашей улицей, поэтому все чаще при обстрелах мы спускались в бомбоубежище — сырой подвал с облупленными стенами. Было скучно неподвижно сидеть при слабом свете маленькой лампочки, с нами всегда была мама, и можно было прилечь головой к ней на коленки. Постоянно хотелось спать и кушать. Для нас бомбежки закончились благополучно, и наш деревянный дом остался неповрежденным.

Все военные годы я училась в школе, которая работала в обычном режиме: шли уроки, писались сочинения и контрольные работы, на дом задавались домашние задания. На летние каникулы нас вывозили в пионерский лагерь на реку Кезу (Шаву) в Кстовский район. О нас, о детях, заботились. Может быть, поэтому мы выросли не озлобленными, преодолевая тяготы войны, а добрыми людьми, уважающими труд и ценящими своих товарищей.

В 1947 году был освобожден папа. Он вернулся очень больным. Работал в университете имени Н.И. Лобачевского. Умер в 2005 году.

По окончании восьми классов мне нужно было идти работать. Вдруг по радио я услышала, что в Доме связи происходит

набор на курсы телефонистов. Я пошла узнать, что это такое, и меня сразу зачислили ученицей, а по окончании курсов — телефонисткой по Автозаводскому району. Работа была очень тяжелая, по сменам: восемь часов работаем и восемь часов отдыхаем, никаких выходных. Иногда не было сил идти домой, и я спала на полу под рабочим пультом. Проработала до 45 лет, а затем перешла на должность ученого секретаря университета имени Н.И. Лобачевского и работала под руководством ректора В. Угодчикова.

Вышла на пенсию в 1985 году. У меня есть дочь и внук. Оба имеют высшее образование и работают. Я живу отдельно, но они обо мне заботятся и не забывают.

Светлана Васильевна ОБУХОВА

Мой отец, Василий Николаевич Фольшин, родился 1 января 1900 года в городе Новоалександрии (ныне — Польша), где в 71-м пехотном Белевском полку служил в чине подполковника мой дед Николай Петрович Фольшин. Позднее семья переехала в Нижний Новгород, где мой отец и его старший брат Петр учились в кадетском корпусе. После Октябрьской революции куда только не заносила судьба моего отца: он трудился рабочим на спиртоводочном заводе № 1 в Нижнем Новгороде, с 1919 по 1925 год служил в Красной армии в Самарканде в Узбекистане, работал мастером на ГАЗе, зав. гаражом в краевом управлении, преподавал в школе милиции. В 1932 году окончил Горьковский автотехникум.

21 декабря 1937 году родилась я, а через два месяца (25 февраля 1938 года) отца арестовали, исключили из рядов партии как «врага народа». Маму и сестру отца тоже вызывали в органы, но отпустили. Я практически не знала отца, а что-либо рассказывать о нем в семье принято не было. Мама только часто повторяла, что отец был хорошим человеком. 26 мая 1939 года отец был расстрелян. И только 18 июня 1957 года реабилитирован, поскольку дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Жизнь без отца была тяжелой, тем более в военные годы. Мама работала товароведом, зарплата у нее была небольшая. Выручала сестра мамы, у которой муж погиб на фронте, и она

В.Н. Фольшин

имела некоторые льготы. Мы с ее дочерью были устроены в дневной детский дом, нас посылали в санаторий, был выделен участок земли, на котором мы сажали картошку.

После окончания 10 классов я пошла работать на радиодетальный завод, а затем перешла на телевизионный завод имени Ленина, училась в политехническом институте на вечернем отделении. Проработав 36 лет, вышла на пенсию в должности начальника бюро. В настоящее время живем большой дружной семьей: я с мужем и наш сын с семьей. Все хорошо, и дай бог, чтобы не повторились те страшные времена, которые унесли лучших людей нашей Родины!

Борис Васильевич СОКОЛОВ-ЧЕЛЫШЕВ

Я родился в городе Дзержинске на Кооперативной улице. Она была переименована в Окскую улицу, потому что наша улица проходила так близко от реки Оки, что по весне наши огороды часто затапливало водой. Мощные потоки реки круто поворачивали вправо, а влево отходила тихая вода, которая образовывала залив, в котором всегда стояли маленькие деревянные баржи. Они привозили щебень, бревна, доски, а иногда и картошку, свеклу или морковь. Между барж шныряли лодки. На сотках или по колено в воде женщины стирали белье и простыни. Грузчики перегружали содержимое барж в грузовики, вокруг них крутились мальчишки, незаметно подворовывая морковь или свеклу, а иногда даже вилки капусты. В залив заходили колесные буксиры, все желтого цвета, забирали пустые баржи и подвозили новые. Вообще летом на берегу у залива было всегда весело и многолюдно. В залив втекала небольшая речка, в ней водилось много мелкой рыбешки, которую нам удавалось выбрасывать на берег вместе с тиной. В самое голодное военное время это было для нас, пацанов, большой поддержкой.

Почти каждое утро ровно в четыре часа над нами, ориентируясь по Оке, пролетали немецкие самолеты бомбить Горьковский автозавод и Сормово. По ним били зенитки, а мы все бежали в вырытое в огороде бомбоубежище с деревянным накатом и выходили оттуда только тогда, когда переставали выть сирены. Однажды на нашей улице остановилась колонна танков, кото-

1937 год. Слева направо: Василий Иванович Соколов-Чельшев,
Борис Васильевич Соколов-Чельшев, вторая жена Василия Ивановича
— Галина Павловна Соколова-Чельшева.

В этой фотографии что-то искали чекисты и разорвали

рые прятались в парке, пока их собирали из Сормова для отправки на фронт. Вдруг откуда-то появился самолет с крестами на крыльях и фюзеляже. Он быстро пролетел и сбросил три бомбы. Мы не успели опомниться, как прогремело три взрыва, и три раза в глазах полыхнул красный свет, хотя бомбы отнесло метров на пятьдесят и никто, кроме ворон, не пострадал. Был разрушен всего один длинный двухэтажный дом. А вороны валялись по всей улице.

Некоторые из ребят, которые ходили со мной в школу, считали меня сыном «врага народа» и часто били, но потом я подрос и стал так давать сдачи, что некоторые пацаны убежали от меня с разбитыми носами. Оказалось, что мой отец, которым я гордился, был в 1935 году лишен избирательных прав и сослан по политическим мотивам в город Дзержинск.

С тех пор я стал интересоваться всеми подробностями жизни моего отца до его ссылки. Но отец рассказывал мне все в виде сказки или притчи, из которых очень трудно было делать какие-либо выводы. Было жутко интересно, и моя молодая память впитала все до мельчайших подробностей. Из его

рассказов, которые длились до тех пор, пока я не вытащил из него все, я узнал, что эта дзержинская ссылка для него была не первой. Мой отец был незаконнорожденным сыном графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона, который сам был незаконнорожденным ребенком от более высоких особ. Но об этом отец просил меня даже и не упоминать до конца XX века, чтобы не бросить тень на его мать — девицу из рода дворян Челищевых. Поэтому мой отец до 17 лет воспитывался в деревне Корзино Ковровского уезда Владимирской губернии как один из детей крестьянина Ивана Семеновича и Евдокии Кирилловны Соколовых. Однако в выписке из акта о рождении указана дата рождения моего отца — 1884 год, а по паспорту 1881 год, это значит, что существовали и другие документы, благодаря которым он получил при своем совершеннолетии настоящую фамилию — Соколов-Челищев от деда по матери и родовой знак, который я продавал по частям в комиссионных магазинах в самые трудные годы перестройки, когда почти вся моя семья сидела без работы. После революции мой отец самолично исправил в паспорте две буквы и стал Соколов-Челышев, но бдительные агенты ЧК вычислили его и отправили в ГУЛАГ на реке Вишере. Там он научился портновскому делу и после освобождения открыл частное ателье на Зеленском съезде, дом 10 в городе Горьком. Оттуда его после разгрома нэпа отправили в ссылку в г. Дзержинск, где у него родился сначала я, а потом мой брат Сергей.

Когда в 1939 году наша семья пополнилась еще одним членом — моим братом Сергеем, один из проверяющих нас чекистов сказал: «Посмотрите на него (Василия Ивановича), когда это он успел жениться на молодой и настрять уже в ссылке двоих детей?». «Успевать надо», — ответил Василий Иванович. У отца было еще двое детей — сын Геннадий, который жил тоже в нашем доме, но отдельно, и дочь Маргарита, которая жила с нами и всю жизнь мою мать называла мамой.

Недалеко от нас жил Осик. Он еще до войны учился играть на скрипке. Но война помешала учебе, и теперь он самостоятельно целыми днями пикивал у себя в квартире. У него была

1945 год. Борис и Сергей Соколовы-Челышевы, Маргарита (дочь от первого брака) и Галина Викторовна Волгина-Горохова (двоюродная сестра по матери)

небольшая, с оттопыренными ушами голова и тоненькая, как смычок, шейка. Иногда его артистическая натура требовала слушателей. Тогда он выходил на крыльцо и выдавал нам свои ноктюрны. Поза у него в такой момент была отчаянная. Он так далеко откидывал назад голову, что, казалось, вот-вот опрокинется вместе со своей скрипкой или сломает себе шею.

Как-то весной он опять вышел на крыльцо и стал играть. Нежные звуки скрипки далеко разносились по нашей тихой улице. Мы быстро собрались и слушали его, прислонившись к забору. И в этот момент нам сказали, что закончилась война.

На следующий день утром нас с братом разбудили в шесть часов. По радио играла какая-то необыкновенная музыка. Весь дом ходил ходуном. К нам прибежали соседи и позвали к себе. Они уже испекли пироги из белого теста. Всех усадили на стол. Кто ел, кто плакал, кто радовался. Мы с братом съели по три пирога. Наша любимая еда — черный хлеб, политый растительным маслом и круто посоленный, — после пирогов уже не казалась такой вкусной. Мы поели и отпросились на улицу.

29 мая 1946 года моему отцу была вручена медаль Верховного Совета СССР «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1491–1945 гг.» (литер 3 № 0233862), а в 1947 году его снова забрали и увезли в г. Владимир (Владимирский централ), но там его спасла эта медаль с профилем Сталина, и от нас чекисты окончательно отцепились.

В 1949 году моей отец купил в Горьком дом и перевез туда нашу семью, кроме брата Геннадия. В Горьком Маргарита окончила институт иностранных языков и работала преподавателем французского языка. А мы с Сергеем окончили школу № 8 (я в 1953-м, а он в 1957 году), затем оба поступили в Горьковский инженерно-строительный институт и окончили его (я в 1958-м, а он в 1965 году). После окончания института я сразу же женился на своей соседке Светлане Милютиной, которая окончила иняз и работала преподавателем английского языка.

Моя трудовая деятельность в основном проходила на стройках. В кабинетах я сидеть не мог, хотя имел и кабинеты, и даже персональный легковой транспорт (начальник ОКСа Волго-Вятское территориального транспортного управления Минтранса РСФСР, а затем заместитель директора автобусного парка № 1, самого крупного в г. Горьком, где я построил закрытую стоянку площадью 10 тыс. кв. метров и жилой дом). Однажды мне предложили даже стать управляющим строительным трестом, но для этого нужно было вступить в КПСС, что для меня как верующего христианина было неприемлемо. И эта высокая должность прошла мимо.

Последнее время я работал заместителем директора Нижегородского государственного художественного музея по реконструкции филиала на Верхневолжской набережной, бывшего дома Сироткина. За это время моя собственная семья приросла на четыре человека: появились две дочери, зять и внучка. И все было прекрасно: мы жили при среднем достатке, как христианин я испытывал небольшое гонение со стороны коммунистической пропаганды, это тоже хорошо, машины и гаража я не имел, значит не истощал природу, не воровал и никому не завидовал, потому что почти все жили так же (с хапугами я

1975 год. Борис Васильевич и
Светлана Павловна
Соколовы-Челышевы

и тогда старался не встречаться). Одно было плохо: коммунисты постоянно обманывали народ своими пустыми обещаниями.

На пенсию меня проводили из художественного музея в 1995 году. После пенсии я работал на временных работах по хозяйственной части. Дети росли, их нужно было кормить, обувать и одевать, учить, а денег катастрофически не хватало, но мы с женой с трудом выходили из самых

трудных ситуаций. Еще в музее ко мне пришел председатель Нижегородского губернского дворянского собрания Георгий Владимирович Вицинский (царствие ему небесное!). Он узнал о моих корнях от геральдмейстера Московского дворянского собрания Сергея Алексеевича Сапожникова. Мы с ним подружились, я часто бывал у него дома и таким образом стал членом Нижегородского дворянского собрания. Мне пришлось с делегациями от НГДС во главе с Г.В. Вициным встречать два раза великую княгиню Леониду, великую княгиню Марию и великого князя Георгия (Романовых-Гогенцоллернов) в Нижнем Новгороде и даже иметь честь подарить им свои книги.

Затем по указанию Московского и Нижегородского дворянских собраний я организовал Нижегородскую общественно-политическую организацию «Нижегородский монархический центр» (свидетельство о реестре управления юстиции Нижегородской области № 1762 от 02.12.1998 г.). К 2000 году количество членов НМЦ доходило до 69 человек. Каждый месяц мы проводились собрания, издавали свои брошюры, провели

1985 год. Семья Соколовых-Чельшевых. Слева направо: Светлана Павловна, Наталия Борисовна, Борис Васильевич, Александр Владимирович Бурлаков, Екатерина Александровна Смирнова, Лариса Борисовна Соколова (жена А.В. Бурлакова и мать Е.А. Смирновой)

одно пикетирование в Кремле (с разрешения администрации) с целью привлечения сочувствующих. Но все наши усилия оказались напрасны, так как нас тормозило Московское дворянское собрание — они нас обвиняли в излишней поспешности и даже ругали через «Дворянский вестник». В результате этого на общем собрании НМЦ (в здании бывшего Дворянского собрания, кабинет 201) 22 февраля 2003 года мы приняли решение о самороспуске, о чем объявили в нижегородской газете «Биржа». Все документы по деятельности НМЦ я сдал в библиотеку Нижегородского областного государственного краеведческого музея.

В 2000 году у нас была еще одна попытка заявить о себе, но она тоже не увенчалась успехом. Меня как председателя НМЦ выдвинули кандидатом в депутаты Гордумы по 25-му избирательному округу Нижегородского района Нижнего Новгорода. Необходимо было собрать 700 подписей, мы собрали только 576 действительных (проверенных комиссией по выборам) подписей. На этом и закончилась моя активная жизненная деятельность. Скоро мне 80 лет, и пора уже под обелиск.

Юлия Петровна ФОЛЬШИНА

Мой дедушка, Петр Николаевич Фольшин, родился 25 декабря 1898 года в городе Новоалександрия (ныне Польша) в семье потомственного дворянина Николая Петровича Фольшина (мой прадед) и дочери священника Ефросиньи Ефремовны Мациович. Он был старшим в семье и всегда с трогательной заботой относился к брату Василию и своим сестрам Екатерине, Серафиме и Татьяне. На него и его брата Василия возлагались большие надежды.

Их отец, подполковник царской армии, был предан государю императору Николаю II и надеялся, что его сыновья пойдут по его стопам. Поэтому, когда сыновья подросли, их отдали учиться в кадетский корпус, откуда они вышли офицерами. К сожалению, мечтам прадеда не удалось сбыться: началась революция, и власть сменилась. Преданность государю императору он смог заложить в своих сыновьях, только для моего дедушки этим императором стал И.В. Сталин, которому он был безоговорочно предан. Дедушка в 1919 году пошел служить в Красную армию. С 1921 года он — член ВКП(б). Работал сначала шлифовщиком, затем стал старшим инспектором управления милиции Горьковской области. Дедушку любили и уважали на работе его подчиненные как начальника и как мужчину. Честный, благородный человек, человек открытый. Про таких говорят — душа нараспашку. Воспитанный, интеллигентный, мужественный, великодушный, масштабный, щедрый, прекрас-

П.Н. Фольшин

ный семьянин: любил жену и детей, уважительно относился ко всем женщинам. Поддерживал отца, который очень сдал после революции, заботился о них с матерью, а также о младших сестрах. Всегда вставал на защиту слабого, был надежным человеком, верным своему слову и делу, ответственным, смелым, уверенным, стойким, предприимчивым.

Одним словом, мой дедушка был настоящим мужчиной, офицером, никогда не оглядывался на других, шел своим путем, прокладывал свою дорогу, ведь именно для этого он жил на земле. Считал себя ответственным за все, что происходило в мире. И вот такой человек был арестован и привлечен к уголовной ответственности 26 февраля 1938 года и исключен из рядов партии как «враг народа».

Он умер в тюремном изоляторе в сентябре 1938 года, не выдержав пыток. Последними его словами были: «Передайте моей жене, чтобы воспитала детей коммунистами». Дедушка до последней минуты верил, что его арест — ошибка партии, что во всем разберутся и его отпустят, но так и не дождался... И только через 18 лет после дедушкиной смерти его реабилитировали. «Постановлением УКГБ СССР по Горьковской области от 23.05.1956 г. дело по обвинению Фольшина Петра Николаевича пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления». Да, его надежда оправдалась — это была ошибка партии, только он об этом он никогда не узнает.

Лия Александровна Чернышова

Я родилась 1 апреля 1925 года в деревне Княжна (ныне Данилово) Республики Марий Эл в семье местных учителей. У родителей — Бажниных Александра Афанасьевича (1896 г.р.) и Таисии Николаевны (1906 г.р.) — был большой собственный дом. В 1931 году мама умерла, и отец привел в дом мачеху, Марию Николаевну Быдманову, которая работала сестрой-хозяйкой в той же школе, что и мои родители. У нее было двое своих детей и нас двое. Она вынуждена была не работать, но потом устроилась сторожем в гараж рядом с нашим домом, и мне приходилось часто ее подменять — сидеть у телефона. Было страшно, но деваться было некуда. С ними я жила вплоть до окончания института. В 1938 году отца арестовали и в тот же день расстреляли. Но об этом мы узнали уже в 1990-е из документов о реабилитации отца, когда президентом страны был Б. Ельцин.

Мы с сестрой жили с мачехой и отчимом. Когда начала война, нам пришлось работать. Я работала в республиканской библиотеке, а сестра — на междугородной телефонной станции. С 1943 по 1948 год я училась в Лесном институте г. Йошкар-Олы и одновременно работала в библиотеке. По окончании института была направлена на работу в г. Горький, в Поволжское лесоустроительное предприятие «Леспроект», где проработала до выхода на пенсию в 1981 году.

Муж мой, Евгений Петрович Чернышов, родился 15 мая 1930 года в с. Выездное Арзамасского района. Окончил Ар-

Лия Александровна
с дочерью Татьяной

замасский лесной техникум и был направлен на работу в г. Горький в предприятие «Леспроект». Наша работа состояла из полевых и камеральных работ. Мы поженились в 1951 году. Свадьбы не было, просто зарегистрировались в Тетюшевском сельсовете Дальнеконстантиновского района, где находились в командировке. Работали мы всю жизнь вместе. Каждый год с мая по ноябрь выезжали в лесхозы разных областей России, про-

водили лесоустройство (иными словами. ревизию леса в лесхозах через каждые 10 лет). Работа у нас была сдельная, каждый день надо было проходить десятки километров и по лесу, и по болотам, и по оврагам, и по завалам. Видела в лесу оленя и медведя, которые пробегали недалеко от нас. Ночевали часто у костра или в палатке. Рабочих (чаще алкаши, тюремщики) привозили из Горького, но время было спокойное, хулиганства среди рабочих не было. Зимой обрабатывали материал и составляли планы работ лесхозам на 10 лет. Работа была трудная, но интересная.

Мы прожили с мужем 57 с половиной лет, а в феврале 2009 года его не стало. У нас двое детей. Сын после школы поступил в Волгоградское военное летное училище. По его окончании служил в Грузии. За спасение самолета от пожара был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах» III степени. На пенсию он вышел в звании подполковника. Получил квартиру в Нижнем Новгороде. 20 ноября 2009 года трагически погиб в автомобильной катастрофе. Дочь окончила экономиче-

Муж и жена Чернышovy с детьми Татьяной и Анатолием на площади Минина в праздник

ский техникум, вышла замуж, живет в г. Мирном Архангельской области.

Моя семья сейчас большая — три внука, внучка, два правнука и правнучка. Я живу с внучкой.

Моя сестра живет в Йошкар-Оле с семьей дочери. У нее уже есть внучка. Переписываемся. Со сводными братом и сестрой, тоже военнослужащей, пока они были живы, поддерживали связь. О судьбе их детей ничего не знаем.

Справочный указатель реабилитированных жертв политических репрессий на территории Нижегородской области

Сегодня информация о периоде политических репрессий XX века на территории бывшего СССР доступна для ознакомления и исследования. Воссозданию реальной картины того страшного времени в значительной степени способствуют воспоминания очевидцев — детей бывших «врагов народа». В школах Нижнего Новгорода и области ежегодно проводятся встречи с авторами сборников из серии «Линия судьбы. Воспоминания детей “врагов народа”». Ниже приводятся справочные данные об авторах по районам Нижегородской области с указанием номеров сборников, в которых опубликованы их воспоминания.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Балахнинский район

Бармина Нина Михайловна (в н.в. живет в Москве) [сб. 12, стр. 3]

Кича Надежда Ивановна [сб. 10, стр. 14]

Строкин Геннадий Афанасьевич [сб. 5, стр. 69; сб. 7, стр. 76]

Ветлужский район

Лисин Борис Павлович [сб. 1, стр. 24]

Городецкий район

Нуждина Зоя Мироновна [сб. 3, стр. 33; сб. 7, стр. 46]

Дзержинский район

Волкова Нина Петровна [сб. 5, стр.9]

Карчемагина Лидия Емельяновна [сб. 9, стр. 29]

Соколов-Челышев Борис Васильевич (в н.в. живет в Нижнем Новгороде) [сб. 12, стр. 49]

Дивеевский район

- Александров Леонид Николаевич [сб. 5, стр. 3]
Волковицкая Вера Борисовна [сб. 5, стр.14]
Сазонова Элеонора Дмитриевна [сб. 5, стр. 54]
Соловьева Вера Степановна [сб. 5, стр. 58]

Кстовский район

- Августопольская Маргарита Людвиговна [сб. 2, стр. 3]
Баранова Алевтина Михайловна [сб. 10, стр. 3]
Вагина Раиса Федоровна [сб. 1, стр. 50]
Глевский Дмитрий Иванович [сб. 12, стр. 26]
Гончарова Тамара Владимировна [сб. 11, стр. 53]
Гришанова Акулина Петровна [сб. 11, стр. 57]
Дмитриева Вера Ивановна [сб. 5, стр.17]
Колбасова Вера Игнатъевна [сб. 10, стр. 23]
Лапеко Валентин Кириллович [сб. 2, стр. 31]
Митнева Юлия Александровна [сб. 11, стр. 84]
Охонько Анна Яковлевна [сб. 10, стр. 36]
Синева Надежда Николаевна [сб. 2, стр. 73]
Сипев Сергей Николаевич [сб. 1, стр. 32]
Скоморохина Любовь Романовна [сб. 10, стр. 40]
Уткина Нина Егоровна [сб. 1, стр. 45]
Фролова Нина Михайловна [сб. 3, стр. 59]
Черкашин Александр Семенович [сб. 1, стр. 14; сб. 7, стр. 93]
Шадрина Нина Николаевна [сб. 10, стр. 45]
Шевчук Михаил Ильич [сб. 10, стр. 50]
Щеглова Галина Моисеевна [сб. 2, стр. 101]

Семеновский район

- Корнилов Борис Петрович [сб. 7, стр. 30]
Мерекина Элеонора Кондратьевна [сб. 10, стр. 33]
Перевышина Валентина Ивановна [сб. 7, стр. 57]

Шатковский район

- Арбузова Зоя Викторовна [сб. 3, стр. 5]
Ароян Норай Гургенович [сб. 8, стр. 3]

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Автозаводский район

- Алкацева Людмила Деболаевна [сб. 9, стр. 3]
Андрианова Елизавета Ивановна [сб. 6, стр. 3]
Балакина Мария Ивановна [сб. 2, стр. 5]
Безобразова Ираида Ивановна [сб. 6, стр. 5]
Белавина Евдокия Павловна [сб. 9, стр. 9]
Виноградова Людмила Леонтьевна [сб. 11, стр. 50]
Гаврилова Зинаида Андреевна [сб. 9, стр. 17]
Грубина Валентина Григорьевна [сб. 9, стр. 20]
Гуляева Мария Александровна [сб. 2, стр. 17]
Гутько Светлана Георгиевна [сб. 9, стр. 26]
Дехтяр Борис Акимович [сб. 4, стр. 18]
Зеленова Лидия Васильевна [сб. 6, стр. 23]
Козлова Валентина Васильевна [сб. 11, стр. 81]
Лобода Нинель Петровна [сб. 2, стр. 39]
Разумак Эльвира Абхаировна [сб. 9, стр. 63]
Разумова Маргарита Андреевна [сб. 2, стр. 63]
Сафьянова Елена Михайловна [сб. 2, стр. 66]
Хисматуллина Татьяна Васильевна [сб. 3, стр. 66]
Шурухина Мая Яковлевна [сб. 1, стр. 34]
Шурыгин Иван Васильевич [сб. 2, стр. 100]

Канавинский район

- Андриутина Анна Петровна [сб. 9, стр. 7]
Жильцова Надежда Николаевна [сб. 11, стр. 66]
Зевакина Жанетта Михайловна [сб. 1, стр. 47]
Калиш Майя Станиславовна [сб. 11, стр. 70]
Козлова Валентина Федоровна [сб. 10, стр. 19]
Обухова Светлана Васильевна [сб. 12, стр. 47]
Симановская Вера Николаевна [сб. 4, стр. 31]
Сучкова Тамара Никоноровна [сб. 10, стр. 43]

Ленинский район

- Миляев Петр Васильевич [сб. 6, стр. 41]
Чарушниковая Наталья Павловна [сб. 2, стр. 96]
Кислова Мария Федоровна [сб. 11, стр. 78]

Московский район

- Бакунов Иван Васильевич [сб. 8, стр. 8]
Булганина Нина Ивановна [сб. 9, стр. 11]
Дойников Владимир Аркадьевич [сб. 7, стр. 3; сб. 8, стр. 23]
Егорова Нина Георгиевна [сб. 3, стр. 10]
Жестков Евгений Александрович [сб. 3, стр. 15]
Лешкович Станислав Константинович [сб. 9, стр. 41]
Саматова Фаина Зиннатовна [сб. 8, стр. 58]
Фрязинов Олег Петрович [сб. 3, стр. 62; сб. 7, стр. 80]
Шопина Зоя Андреевна [сб. 8, стр. 62]

Нижегородский район

- Баталова Зинаида Семеновна [сб. 4, стр. 36]
Баудис Татьяна Сергеевна [сб. 1, стр. 29]
Васканова Елена Васильевна [сб. 12, стр. 12]
Васяева Людмила Петровна [сб. 2, стр. 8]
Вершинина Мария Петровна [сб. 4, стр. 56]
Высоцкая Софья Ефимовна [сб. 4, стр. 9]
Голосунова Тамара Александровна [сб. 2, стр. 12]
Долгачева Наталья Романовна [сб. 6, стр. 8; сб. 7, стр. 9]
Дорофеева Татьяна Константиновна [сб. 1, стр. 39]
Жильцов Владимир Иванович [сб. 7, стр. 16]
Ильина Галина Александровна [сб. 5, стр. 19]
Калугина Лариса Алексеевна [сб. 10, стр. 10]
Лаврентьева Вера Викторовна [сб. 6, стр. 38]
Левашова Майя Иосифовна [сб. 2, стр. 36; сб. 7, стр. 36]
Малкина Людмила Федоровна [сб. 3, стр. 26]
Мустафина Сара Шагимардановна [сб. 2, стр. 90]
Неймарк Юрий Исаакович [сб. 7, стр. 40]
Орлова Людмила Александровна [сб. 2, стр. 41]
Половинкин Владимир Васильевич [сб. 4, стр. 49]
Полянская Дина Васильевна [сб. 2, стр. 58]
Полянский Николай Павлович [сб. 2, стр. 46]
Пономарев Сергей Михайлович [сб. 7, стр. 67]
Пономарева Елена Александровна [сб. 7, стр. 72]
Рабинович Зинаида Генриховна [сб. 5, стр. 48]
Сыркин Павел Эммануилович [сб. 4, стр. 72]

Томбак Виктор Юльевич [сб. 4, стр. 47]
Томбак Кира Петровна [сб. 4, стр. 43]
Фаворская Инга Михайловна [сб. 2, стр. 75]
Федорович Елена Зиновьевна [сб. 2, стр. 84]
Хажаяева Нурия Шагимардановна [сб. 2, стр. 90]
Шадрин Александр Иванович [сб. 3, стр. 69]
Шахверди Ибрагим Губадович [сб. 10, стр. 48]
Шор Эстелла Моисеевна [сб. 1, стр. 18]
Юрков Александр Николаевич [сб. 5, стр. 74]
Ярихович Эдуард Сильвестрович [сб. 4, стр. 52]

Приокский район

Волкова Анна Леонтьевна [сб. 4, стр. 59]
Гонова Эльвира Ивановна [сб. 1, стр. 4]
Гофман Герман Германович [сб. 8, стр. 12]
Завальнюк Нина Васильевна [сб. 8, стр. 35]
Зернов Юрий Аркадьевич [сб. 8, стр. 45]
Кирпичникова Инна Анатольевна [сб. 6, стр. 26]
Пономарев Владимир Леонидович [сб. 6, стр. 65]
Рогачева Эвелина Даниловна [сб. 4, стр. 26]
Шмидт Александр Георгиевич [сб. 11, стр. 91]
Яценко Мария Александровна [сб. 6, стр. 77]

Советский район

Амелина Марина Георгиевна [сб. 11, стр. 42]
Бызова Зоя Даниловна [сб. 5, стр. 7]
Деречинская Елена Львовна [сб. 2, стр. 20]
Дурасова-Горн Майя Семеновна [сб. 4, стр. 3]
Еремкина Альбина Борисовна [сб. 11, стр. 60]
Ефимова Ангелина Ивановна [сб. 6, стр. 16]
Игнатьева Вера Николаевна [сб. 12, стр. 30]
Козлов Лев Иванович [сб. 5, стр. 35; сб. 7, стр. 24]
Кочина Екатерина Николаевна [сб. 4, стр. 65]
Марсак Галина Александровна [сб. 9, стр. 50]
Маслякова Ираида Алексеевна [сб. 12, стр. 44]
Паценкер Клара Гершевна [сб. 6, стр. 45]
Печенева Екатерина Георгиевна [сб. 6, стр. 51]
Таран Евгения Константиновна [сб. 9, стр. 68]

Ушаков Святослав Михайлович [сб. 3, стр. 52]
Фольшина Юлия Петровна [сб. 12, стр. 56]
Чернышова Лия Александровна [сб. 12, стр. 58]

Сормовский район

Губина Тамара Петровна [сб. 8, стр.16]
Гуськова Мария Федоровна [сб. 8, стр.19]
Земляничная Антонина Архиповна [сб. 8, стр. 41]
Кириченко Галина Петровна [сб. 11, стр. 74]
Котов Владимир Андреевич [сб. 12, стр. 36]
Кутилова Анна Всеволодовна [сб. 12, стр. 41]
Михайлова Галина Александровна [сб. 8, стр. 50]
Окунева Галина Ивановна [сб. 3, стр. 40; сб. 7, стр. 51]
Шардт Александр Иосифович [сб. 7, стр. 94]

Художественная литература

- Голос родины: Альманах горьковских писателей. ОГИЗ, 1942. № 3.
- Гроссман В.С. Все течет // Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М.: Вагриус, 1998.
- Демидов Г.Г. Чудная планета: Рассказы. М.: Возвращение, 2008.
- Жильцов В.И. Лисичкин хлеб: Сборник стихов. Нижний Новгород: Вектор Тис, 2006. 236 с.
- Кочин Н. Зона. Нижний Новгород, 1993.
- Нижегородская антология прозы / Сост. В.А. Шамшури. Нижний Новгород: Книги, 2004, 360 с.
- Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Собрание сочинений: в 30 томах. Т. 1. М.: Время, 2009.
- Шаламов В.Т. Колымские рассказы // Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1998.

Мемуары

- Волков О. В. Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1989 (Белая книга России, 4).
- Гаген-Торн Н.И. Memoria / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 1994.
- Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М.: АСТ, 2008.
- Доднесь тяготее: в 2 томах. Записки вашей современницы / Сост. С.С. Виленский. М.: Возвращение, 2004.
- Жучков В.И. Встречи на Откосе, или Созвездие Водолея. Нижний Новгород, 2007. 522 с.

Левинсон Г.И. Вся наша жизнь: Воспоминания Галины Ивановны Левинсон и рассказы, записанные ею / Сост. О. Блинкина, Е. Великанова. М.: Мемориал, 1996.

Назвать поименно: Свидетельствуют жертвы и очевидцы сталинского террора / Сост. М.А. Хазанов. Горький: ВВКИ, 1972.

Пономарев С. Когда мы были молоды: Воспоминания. Нижний Новгород, 2001. 53 с.

Разгон Л.Э. Непридуманное. М.: Захаров, 2010.

Сто писателей-нижегородцев. Жизнь и творчество. Краткие сведения / Сост. В.А. Шамшурин. Нижний Новгород: Вектор Тис, 2006. 236 с.

Шамшурин В.А., Алексеев В.А. «Я вижу земную свою красоту»: Книга о Борисе Корнилове. Нижний Новгород, 2007. 219 с.

Электронные ресурсы и публикации

Аннотированный электронный каталог библиотеки международного «Мемориала»: <http://lib.memo.ru/biblio/cat>

Аннотированный указатель «Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве “Мемориала”» (многие воспоминания включают письма): <http://www.memo.ru/history/memories/index.htm>

Электронная база данных «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» (Сахаровский центр): <http://www.sakharov-center.ru/projects/bases/gulag.html>

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания детей «врагов народа»

Бармина Нина Михайловна	3
Васканова Елена Васильевна	12
Глевский Дмитрий Иванович	26
Игнатьева Вера Николаевна.....	30
Котов Владимир Андреевич	36
Кутилова Анна Всеволодовна.....	41
Маслякова Ираида Алексеевна.....	44
Обухова Светлана Васильевна	47
Соколов-Чельшев Борис Васильевич.....	49
Фольшина Юлия Петровна.....	56
Чернышова Лия Александровна	58
Справочный указатель реабилитированных жертв политических репрессий на территории Нижегородской области	61
Рекомендуемая литература	67

ЛИНИЯ СУДЬБЫ
*Материалы по увековечению памяти жертв
политических репрессий на территории
Нижегородской области*

*Мнение авторов сборника может не совпадать
с мнением редакции*

Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 4,7. Тираж 150 экз. Заказ № 00.

Издательство
udina@mail.ru

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Б. Покровская, 37